

Ольга Солнцева

Реалити для героев

18+

Повести и рассказы

Ольга Солнцева
Реалити для героя

«ЛитРес: Самиздат»

2015

Солнцева О.

Реалити для героя / О. Солнцева — «ЛитРес: Самиздат», 2015

Съемки документального кино о молодых ветеранах оборачивается для героини этой повести неожиданными творческими и любовными страданиями. Как написать сценарий о подвиге, если сами герои не считают свою жизнь героической? Можно ли считать человека инвалидом, если он жизнерадостен и полон сил? Нужно ли требовать гонорар с продюсера и как помочь самому молодому ветерану исполнить заветную мечту? Героиня пускается в рискованную авантюру и вынуждена сыграть роль, к которой совершенно не готова. Кино и жизнь переплетаются в этой юмористической истории самым неожиданным образом.

© Солнцева О., 2015

© ЛитРес: Самиздат, 2015

Ольга Солнцева

Реалити для героя

1

Существует много способов разнообразить свою жизнь и избавиться от хандры. Один из них – поучаствовать в съемках фильма. Это особенно полезно тем, кто по той или иной причине оказался без работы, разошелся с супругом или не может наладить отношения с детьми и родителями.

Я с радостью согласилась поработать сценаристом. Писать тексты – мое любимое занятие.

Анатолий – мой университетский товарищ – уговорил одного из своих приятелей взять меня на новый проект. Мы договорились, что встретимся все втроем в кафе «Бешбармак», что у метро «Арбатская». В солнечный июньский день я отправилась на встречу.

Толя встретил меня у входа:

– Привет! Сейчас я тебя представлю главному по тарелочкам. Его зовут Ренат. Ты его, может быть, помнишь.

Рената, я конечно, пару раз где-то видела, но вспомнить не могла никак.

В полутемном зале на диванах с высокими спинками расположились серьезные мужчины восточного вида. Ренат оказался одним из них.

– Ну, здравствуй, – сказал он, мельком взглянув на меня и снова стал нажимать кнопки своего телефона.

Я села на высокий диван. Серьезные мужчины неторопливо попивали чай из фигурных стаканчиков и продолжали свой разговор. Они совсем не спешили посвящать меня в свои планы.

Наконец, когда чайник опустел, продюсер обернулся ко мне и сказал:

– Будем снимать документальный фильм про инвалидов.

Я сразу согласилась:

– Очень хорошо. Инвалиды так инвалиды. Эта тематика мне знакома.

Тут моих собеседников снова отвлекли мобильники, и мне опять пришлось разглядывать витражи на окнах. Минуты через три я не вытерпела и спросила:

– Так что делать-то надо?

У меня в сумке уже начал протекать пакет с клубникой, которую я везла дочке на дачу.

Продюсер в общих чертах проинформировал меня о сроках, моих обязанностях и основной идее фильма. Беседа казалась оконченной, хотя самый важный вопрос так и остался без ответа.

– А что в качестве приза за самоотверженный труд? – снова не выдержала я.

Ренат серьезно поглядел на меня и без тени иронии ответил:

– Любовь к герою. Девушка, которая работала на прошлом проекте, влюбилась в одного из персонажей. Ну, я ты можешь сразу в троих.

«Вот скотина!» – подумала я, но лишь вежливо улыбнулась:

– Боюсь, что меня это не устраивает. Я – женщина старая, практичная и любовь меня больше не интересует.

Деловые мужчины за столиком оценили мой юмор. В итоге мы сошлись на N-ной сумме.

Через три дня я решила проверить, насколько у продюсера серьезные намерения, и позвонила ему с просьбой прислать контакты героев. В ответ пришел текст под названием «А.К.лёнов – слепой офицер». В нем рассказывалось о солдате, который потерял зрение в Чечне, но продолжал служить в армии уже в звании майора. Герой был холост, о чем сообщалось в отдельном абзаце. К «объективке» прилагалось три телефона и адрес электронной почты.

Три дня я морально готовилась сделать первый звонок. Все-таки, навязываться человеку, у которого и своих забот полон рот, – это не мое хобби. Но тянуть со съемками нельзя. Походившим пальцем я набрала сначала один, потом другой, а потом и третий номер. Абонент везде был вне зоны досягаемости.

Я отзвонилась Ренату и с легким сердцем сообщила о проблеме. Он взял тайм-аут, чтобы подумать. На свой страх и риск я решила попробовать снова.

– Да? – ответил мне глухой низкий голос.

Очевидно, герой спал или занимался чем-то важным. Никакой радости от моего звонка он явно не испытывал.

Я бодро представилась и пробарабанила, что наша телекомпания приглашает его сниматься в документальном фильме о мужественных людях, которые остались служить в армии, несмотря на тяжелые ранения.

«Только не отказывайся! Только не отказывайся!» – стучало в мозг.

N-ная сумма мне нужна, как воздух.

– Пришлите мне сценарий, – потребовал собеседник.

Он явно не собирался заниматься ерундой.

Пришлось признаться, что сценария еще нет, а есть только вопросы, на которые хотелось бы получить его ответы. Обещала выслать их на e-мейл.

Конечно, это большая наглость – предлагать незрячему человеку прочитать электронное письмо. Но надо было как-то вести героя, чтобы он не ускользнул.

Через день пришел ответ: «Вопросы понятны. Готов работать.» И приписка: «Не хотелось бы быть «говорящей головой».

Я вздохнула с облегчением и стала думать, где бы организовать первую встречу. Лучше всего, конечно, в его части, но туда без специального разрешения не пустят. Можно на Поклонной горе – там хорошо снимать. Но как он туда доберется? В итоге, предложила встретиться возле части: там будет видно. По крайней мере, мне.

Пока переписывалась с Клёновом, позвонил режиссер. Представился, зовут Георгий. Условились встретиться у метро, чтобы вместе идти на встречу.

С Георгием мы быстро нашли и друг друга, и общий язык. Пока шли, обсуждали, как будем заинтересовывать Клёнова. Все-таки, сниматься в фильме даже в качестве самого себя – большой труд. Героям оплата не предусматривалась.

Подходим к части. Звоню будущему персонажу. Он говорит:

– Видите кафе «Гоголь-моголь», которое через дорогу от вас? Я подойду туда через десять минут с военнослужащим.

Хорошо, что я тоже не одна.

Через десять минут нас окликают двое мужчин. Тот, что помоложе – в военной форме, тот, что постарше – в штатском. Голубая рубашка и светло-серые брюки. Верхняя пуговица на мощной шее расстегнута. Чисто выбрит, коротко острижен, в темных очках.

Первое впечатление – бизнесмен. Может быть, политик местного масштаба. Походка напряженная, осторожная. Идет не так, как обычно ходят незрячие люди. Не семенит, не шаркает, а словно плывет саженками. Остановился и ждет: ну, кто тут?

Военнослужащий изучающее оглядел «творческих сотрудников». В его взгляде – немой вопрос: «И для чего он вам понадобился?»

Кивнули военнослужащему, поздоровались с героем за руку. Рукопожатие осторожное. На правом запястье – массивный золотой браслет.

Заходим в кафе, садимся за столик, заказываем чай. Когда официантка принесла чашки, Клёнов по-свойски попросил:

– Лимончик мне положите, пожалуйста. И сахарку один кусок.

Пока мы с режиссером справлялись с лимоном и сахаром, он снял очки. В первое мгновение чувствую ужас: у меня зрение минус семь, и страх слепоты сидит где-то в подсознании. Но через секунду страх сменяется любопытством: как же так? Здоровенный мужик не может насыпать сахар в чашку? С трудом осознаю, что я-то его вижу, а он только слышит мой голос.

Глаза у него неподвижные. Голубые, с большими зрачками. Такое чувство, что смотришь в какой-то его внутренний космос. Поворачивает голову на звук речи, хмурит брови, пытаюсь сосредоточиться на теме разговора. Сам то и дело шутит, рассказывает байки о своей службе – прошлой и нынешней. Очень заразительно смеется. От него пахнет дорогим одеколоном.

Информирую о наших планах. Предлагаю получить весь отснятый материал и сам фильм, когда он будет готов. Ловлю себя на абсурдности этого предложения, но все-таки продолжаю фантазировать:

– Может, вам это пригодится для каких-нибудь личных целей.

Говорить стараюсь спокойно, но в то же время не казенно. Он должен понять, что у нас добрые намерения.

Клёнов достает из кожаной барсетки два диска и аккуратно кладет на стол:

– Это видеоматериалы обо мне. Посмотрите. Может, пригодятся.

Мы с Георгием искренне благодарим его за такой щедрый подарок и что-то плетем про авторские права. Использовать чужое произведение противозаконно. Клёнов неодобрительно сводит брови. Видимо, это ему совсем не интересно.

Переводим разговор на другую тему. Спрашиваем о войне на Северном Кавказе, о ее причинах и результатах. О чеченцах, о Кадырове.

– Да, мне Рамзан предлагал стать главой района, – сообщает Клёнов. – Но я отказался.

Как интересно! Значит он, и в самом деле, политик.

Наш собеседник рассказывает о законах, которые были приняты в Старгородской области, где он пять лет был депутатом. Ругает чиновников, вспоминает стрелки с местной братвой и встречи на высшем уровне.

– Я много не понимал раньше, – признается он, отодвигая чашку. – Приходил на работу в обычном пиджачке и галстучке. Но мне знающие люди объяснили: «Братуха, ты должен их всех уделать. Покажи им, что ты крутой.» Ну, я и приехал на прием – длинное кожаное пальто, кольца с бриллиантами, три джипа охраны. Все меня сразу зауважали.

Показывает два шрама – на затылке и на виске:

– У меня вся голова в пластинах. Пять покушений.

Да, герой что надо!

– И семь уголовных дел, – продолжает он. – Правда, все закрыли по причине отсутствия признаков состава преступления.

Я потираю руки.

Обсуждаем, где снимать. В части нельзя без официального разрешения, а с ним могут быть проблемы.

– А приезжайте ко мне в Старгородск! – гостеприимно приглашает Клёнов. – Поснимайте в моем офисе.

Надо же – «мой офис»!

Георгий смотрит на меня без всякого энтузиазма. Я же, наоборот, ощущаю творческий подъем и диктую свои условия. Мне надо проводить дочку в лагерь, так что на вояж есть только три дня.

Георгий обреченно кивает – три так три. Мы, считай, договорились.

Клёнов выражает удовлетворение и тут же извиняется:

– К сожалению, не могу вас на машине подвезти. Должен выехать на день раньше. Вы мне звоните, как доберетесь. Вас там встретят.

Я развиваю наступление: вот бы поснимать его в разных местах: на улице, дома, на каком-нибудь собрании... Напоминаю:

– Вы же сами не хотите быть «говорящей головой»...

Теперь Клёнов не выражает особого энтузиазма по поводу разных мест. По лицу режиссера видно, что ему совсем не светит тащиться четыре часа в Старогородск ради одного офиса. Но, как говаривал один политик, процесс пошел. Значит, придется все-таки ехать.

Все, пора закругляться и просить счет. Своего мы добились – герой готов к плодотворной работе.

Ни с того, ни с сего Клёнов вдруг заявляет:

– Жениться хочу, аж зубы сводит.

Мы с Георгием настороженно переглядываемся. Вспоминаю, что уже читала об этом в статье трехлетней давности. Оказывается, проблема все еще актуальна.

– Я холост и перспективен, – выдает герой свою «объективку». – В будущем планирую статью (тут он называет солидную должность). Готов отдаться в любые руки.

Сказал весело, словно в шутку, но в неподвижных глазах тоска. Прибавил, что его боевое братство собрало 20 тыс. евро тому, кто найдет ему невесту, но тут же философски заметил:

– Эти деньги уже плесенью покрылись.

На мгновение представляю себе стопку разноцветной наличности, покрытой серой плесенью. Интересно, кому она достанется?

Официантка приносит счет.

Клёнов нашупывает листочек в папочке и обращается к нам:

– У меня к вам просьба. Не могли бы вы мне что-нибудь написать? Дело в том, что у меня есть одно хобби: я собираю счета из ресторанов. Когда у меня бывает плохое настроение, то мы с Тамарой Никаноровной достаем их, и она мне читает. И я вспоминаю, с кем сидел, что ели, о чем говорили.

Так, кто такая Тамара Никаноровна? Наверное, экономка, догадываюсь я и тут же подхватываю "мячик":

– И сколько у вас таких счетов?

– Два больших альбома, – отвечает он абсолютно серьезно.

Что ж, надо написать ему что-нибудь позитивное. Ведь он сам такой солнечный. Его юмор – признак хорошего душевного здоровья, что в наше время большая редкость. Вглядываюсь в нового знакомого и пытаюсь разгадать секрет его очарования. Наверное, оно в том, что он вызывает абсолютно противоречивые чувства. С одной стороны – восхищение его стойкостью, с другой – жалость. 50 на 50. И то, и другое – в высшей степени.

Пока я справляюсь со своим творческим кризисом, Кленов вызывает бойца и отдает ему барсетку с приказанием расплатиться. Ну что ж – счет на столе, и пишу что-то вроде: «Самому позитивному человеку, с которым мне довелось встречаться. Желаю Вам исполнения всех желаний – от женитьбы до (тут я написала должность, на которую он нацелился).

Режиссер желает нашему герою и дальше оставаться таким же романтиком.

Клёнов удовлетворенно кивает, боец подставляет патрону локоть, и мы, как в детском саду, выходим парами. На прощанье жму мягкую ладонь героя. Он уже успел надеть очки.

Снова идем с Георгием, только теперь обратно, к метро. В Москве жара, от нагретого асфальта исходит запах усталости. Но мы, наоборот, очень воодушевлены. Один герой, считай,

готов. Если дело так пойдет и дальше, то управимся меньше, чем за месяц. У всех свои дела. Это ведь временный проект.

– Знаете, что самое сложное в журналистской работе? – спрашиваю коллегу и тут же отвечаю: – Оставаться беспристрастной. Относиться к героям своих интервью как к случайным людям, но при этом проявлять к ним искренний интерес.

Это я знаю не из книжек: я проработала в газетах пять лет пять, писала на общественную тематику. Вчера уточнила: в России более тринадцати миллионов инвалидов. Из них почти треть – трудоспособного возраста.

Мы решаем позвонить Ренату и напомнить об авансе. Георгий – многодетный отец. У меня тоже есть кое-какие обязательства перед детьми.

Ренат назначает нам встречу в Домжуре через два часа. На время прощаюсь с режиссером. Мне надо побыть одной, да и пообедать бы неплохо. В Домжуре бутылка воды стоит сто рублей. Сколько там стоит тарелка супа, я даже боюсь представить.

Еду к Третьяковской, нахожу там сетевое заведение и утоляю голод. Надо где-то скоротать еще час.

Выхожу в Климентовский переулок, иду к Третьяковке. По пути зачем-то сворачиваю к Храму Всех скорбящих радости. К религии я отношусь спокойно, но иногда бывают такие моменты, когда хочется прикоснуться к чему-то очень важному. Хорошо, что у меня с собой панамы.

В Храме темно и прохладно. Прошу две больших свечи, спрашиваю, где образ Николая Угодника. Служительница указывает в левый придел. Подхожу к старинной иконе и шепотом прошу Чудотворца о чуде. Кого же еще просить, как не его?

– Святой Николай Чудотворец, верни зрение рабу божьему А.Клёнову! Сподобь его снова увидеть солнышко! Спасибо, тебе святой Никола!

Зажигаю свечку.

Вторую просьбу прошу за себя. Зачем о ней писать, если она еще более несбыточная, чем первая?

Воск оплавляется. Прозрачные капельки стекают и застывают друг на дружке. Свечигибаются от жара. Рядом на подсвечнике их стоит еще штук пятнадцать – потоньше, потолще. В каждой – чья-то надежда на чудо. Если отнять у людей эту надежду, то что тогда останется? Вера и надежда всегда идут рука об руку. Нельзя отнять надежду, не отняв веру. А если все отнять, то останутся только страх и злость.

Выхожу из церкви, иду мимо Третьяковки. Солнце палит изо всех сил. Отличная погода, но мне почему-то нерадостно.

Поднимаюсь на горбатый мост, возведенный бывшим градоначальником. На мостике – железные деревья, на которых молодожены оставляют замочки, а ключики выкидывают в реку. Деревьев уже много. Вон, даже на противоположном берегу целая аллея выстроилась.

Навстречу мне спускается пара молодоженов преклонного возраста. Представила вдруг на их месте себя и Клёнова.

Бред какой-то! Я, наверное, перегрелась.

Выхожу на Болотную площадь, сажусь на троллейбус, доезжаю до Нового Арбата.

В Домжуре уже сидит Георгий. Он похож на усталого сенбернара. Быстро подходит Ренат. У него вид гончего пса. Я же, если продолжать собачью тему, старая такса. Приветливо виляю хвостом, готова побегать за мячиком, но быстро утомляюсь.

Попили водички за сто рублей бутылка, поделились с продюсером впечатлениями об утренней встрече. Между прочим, отметила, что у нашего героя есть спецфонд для matrimo-ниальных целей.

Ренат сразу оживился:

– Так, кто выходит замуж за Клёнова?

Он оценивающе оглядел нас обоих и стал развивать эту мысль дальше:

– Георгий и я – вряд ли по понятной причине. А вот ты, Оля, вполне подходишь по гендерному признаку. Так что каждому выходит по 33 процента. Это сколько ж от 20 тысяч? – спрашивает он абсолютно серьезно.

На мою долю выходит 6 тыс. евро.

– Так, сейчас переведу по курсу, – задумчиво говорит продюсер.

Я перевожу взгляд с одного на другого. Ладно, пускай поприкалываются, мне сегодня спешить некуда. Я знаю, что Георгий уже на моей стороне и готовлюсь выдвигать продюсеру веские аргументы.

– Знаешь, Ренат, – заявляю я как можно решительнее, – мне не хотелось бы зависеть от Клёнова. Я работаю на тебя, а не на него. Мы собрались в Старогородск на три дня, и нам надо где-то есть и ночевать. Да и телефонные разговоры тоже кусаются.

Георгий в знак согласия кивает окладистой бородой. Продюсер смотрит на меня искосо. Он всерьез думал, что я пришла на проект из романтических побуждений.

– Ладно, – нехотя соглашается он. – На днях получите аванс.

На том и разошлись. Я забыла в Домжуре свою панаму.

2

В день отъезда будильник запищал в 5.45. Мог бы и не стараться, все равно я не спала всю ночь. За окном темень и льет сильный дождь. На улице огромные лужи. В нерешительности закрываю окно. Выходить из дома под таким ливнем – значит сразу вымокнуть и заболеть.

Накануне договорились с Георгием, что поедем все вместе на его машине. Он живет под Москвой, и заезжать за мной ему не по пути. Я же не оператор с камерой, которую надо беречь, как зеницу ока! Договорились встретиться на Киевке в семь часов, чтобы не попасть в пробку. После разговора с режиссером позвонила Клёнову. Сказала, что приедем около десяти.

– Когда доедете до поворота на Дядьково, позвоните. Вас встретят, – коротко ответил он.

Хорошо бы надеть резиновые сапоги! А еще лучше остаться дома и не ехать ни в какой Старогородск. Но мяч уже в игре, и надо его ловить. Обреченно надеваю босоножки: быстро вымокнут, но и высохнут быстро. На улице настоящий тропический ливень, а на дворе ни одного водостока. Хорошенькое начало, ничего не скажешь!

На Юго-Западной стоит несколько маршруток до Внуково. Стоимость посадки – сто рублей. Через сто метров останавливается муниципальный автобус, который также идет по Киевке, но за двадцать пять рублей. Никто не знает, как называется первая остановка за окружной.

Звоню Георгию, говорю, что выйду на первой остановке, пусть ловит меня там через десять минут.

– Нет, – говорит, – раньше, чем через сорок не получится. Я жду оператора. У меня серебристая «Судзуки Леана».

А уже, между прочим, семь ноль пять.

Вылезаю на первой остановке за МКАД, вглядываюсь в темноту. Серебристых машин выстроился целый хвост – только на противоположной стороне шоссе. Дождь стал еще сильнее. Хорошо хоть, что на остановке сообразили сделать навес.

Переминаюсь с ноги на ногу час двадцать. Уже светает. Снова звоню.

Георгий явно недоволен:

– Да мы тебя, видать, проскочили. Мы уже в Одинцово.

Интересно, как их туда занесло?

Стараюсь держать себя в руках и контролировать препродакшн:

– Это ваш косяк. Езжайте без меня, встретимся в Старогородске.
Мне холодно и очень мокро.

Георгию хорошо – он сидит в машине: там не холодно и не мокро, зато ничего не видно из-за капель на лобовом стекле. Найти нужного человека в сильный дождь на трассе – все равно что тысячу рублей на дороге в солнечную погоду. Правда, солнышка в ближайшие часы ждать не стоит. А вот мне чего ждать? Пробка в Москву рассосется часа через три. На Киевский вокзал я попаду в лучшем случае к десяти, да и то, если не передумаю. А то ведь могу свернуть домой – отогреться. Нет, надо все-таки наступать на Старогородск, а для начала найти железную дорогу. Места, конечно, знакомые, но уж больно мокро.

Снова звоню Георгию:

– Я передумала. Мы должны приехать в Старогородск все вместе, чтобы Клёнов не собирал нас, как грибы. Давайте, подъезжайте к аэропорту. Там мы, точно, не растеряемся.

Машины обдают друг друга грязными волнами. Хорошо, что подошел еще один автобус, правда в него не залезть. Ну ладно, мне торопиться уже некуда: к счастью, я не опаздываю на самолет.

С аэропортом «Внуково» у меня связано одно веселенькое воспоминание. Когда-то, лет семь тому назад, я провожала старшую дочь Юлю на международную экологическую конференцию в Турцию. Заранее сделала ей нужную справку для пограничного контроля, а заодно и еще одну, точно такую же, для лагеря на Украине. Мне тогда очень хотелось, чтобы ребенок много путешествовал с приучался к самостоятельной жизни.

В день вылета в аэропорту нас уже поджидал Юлин школьный учитель и ее одноклассница со своими родителями. Отдаю дочке документы и последние указания, целую на прощанье и желаю произвести научную сенсацию. Возвращаюсь домой, автобус уже на шоссе. Вдруг – звонок: «Мам, ты мне какую справку дала?» Я как-то сразу догадалась, что не ту. Бумажки в сложенном виде были абсолютно одинаковыми.

Самолет из-за одной девочки задерживать не стали, но я каким-то чудом успела обернуться за час. По-моему, тогда было воскресенье, и в то время еще не было таких пробок. Из Турции дочь привезла золотую медаль и диплом первой степени на английском языке.

С тех пор я больше не была в аэропорту Внуково. За семь лет тут все сильно изменилась. Пожалуй, теперь я бы за час не обернулась туда и обратно. Я уже битый час выглядываю в потоке маленькую машину серебристого цвета.

Наконец, о чудо! – она подъезжает и распахивает мне заднюю дверь, приглашая занять место рядом с тремя не слишком чистыми кофрами. Мы что-то ворчим себе под нос – я и режиссер. Рядом с ним на переднем сидении сидит незнакомый мужчина, который даже не оборачивается в мою сторону. Ну и ладно – впереди у нас еще три дня: успеем познакомиться. Радио громко поет что-то про любовь. Мужчины молча курят. Машина проскакивает нужный поворот: видимость по-прежнему не супер. Мы возвращаемся и молчим еще километров восемьдесят.

Когда не о чем говорить, надо пожевать. У меня всегда с собой что-нибудь есть на такой случай. Режиссер за рулем недовольно поглядывает на меня в зеркальце и облизывается. Наверное, он с утра тоже ничего не ел. За окнами мелькают щиты с рекламой пончиков, а придорожные кафе еще не работают.

Наконец, въезжаем в Старогородскую область. Тут как-то сразу поприветливее – и дождя не было, и закусовые уже открылись.

Хмурый оператор вылезает первым и молча идет в сторону синего ангара. Режиссер молча сует мне три бумажки от продюсера. Я чувствую необычайный творческий подъем –

теперь могу шикануть и выпить кофе в компании с интеллигентными творческими людьми. Жизнь прекрасна!

У тарелочек стоит оператор и выбирает пельмени. Его зовут Денис.

Едем дальше, обсуждаем, что будем снимать. Все-таки, на сытый желудок мужчины гораздо охотнее говорят о работе. Проезжаем поворот на Дядьково. Пора звонить Клёнову. Вчера я целый вечер искала пункт «Билайна», чтобы установить роуминг, но, видать, вышла на поиски слишком поздно. Теперь придется говорить по дороговому тарифу.

Прошу телефон у Георгия, набираю номер, слышу: «На счете недостаточно средств». Моя военная хитрость не удалась.

– Слушайте, а как бы вы стали звонить Клёнову, если у вас даже нет его номера? – поддразниваю я мужчин и набираю нужный номер на собственном мобильнике.

– А мы как-то и не подумали насчет этого, – зевает режиссер. – Хорошо, что мы все-таки тебя нашли.

Клёнов как будто ждал моего звонка. По крайней мере, сразу узнал. Он начинает долго объяснять, но мне не до этого. Меня тошнит – не то дыма, не то от сытости. Даю трубку Георгию. Он внимательно слушает и уточняет дорогу. Теперь недостаточно средств на моем счете.

Подъезжаем к заправке, вылезаем. Кругом простор Среднерусской равнины. Никаких пробок, никакой спешки, даже никакого дождя. Вдали виднеются крепкие домики, в поле работает трактор. Начинаем гадать, какая машина приедет за нами.

Говорю в шутку:

– Три джипа охраны.

Георгий рассказывает анекдот в тему:

– Запорожец врезался в «Мерс». Из джипа сопровождения выскакивает братва, бежит к «Запору» и вытаскивает хозяина – старичка бомжиного вида. «Ну все, – говорят, – отец. Сейчас мы тебя кончать будем. Все равно с тебя ничего не возьмешь.» А он им: «Подождите, сынки, сейчас договоримся. Я только сыну позвоню. Он у меня директор птицефабрики, у него деньги есть.» Старичок достает мобилу, говорит, куда ехать. И вот, минут через десять на дорогу выскакивают три джипа, из них выпрыгивает спецназ и кладет всю братву на землю. К старичку подходит самый главный и говорит: «Папаня, я же тебе столько раз объяснял: я не директор птицефабрики. Я командир спецподразделения «Беркут».

Мы смеемся: это современный юмор. Георгий и Денис закуривают. Я достаю из сумки абрикос, чтобы удержаться от вредной привычки. На заправку вырывает темно-синяя машина, наверное, «Опель». Из нее выходит невысокий молодой человек в светлой рубашке и черных очках. У него напряженная походка.

– Вы к А.В.?

Киваем утвердительно.

– Следуйте за мной.

Едем за синей машиной, заводим речь о нашем герое. Я выдвигаю очередную версию: судя по личной охране, он тут человек важный. Может, даже возглавляет местную ОПГ.

«Опель» нашего провожатого въезжает в город, делает несколько поворотов и застревает в пробке. Съеденный абрикос вот-вот полезет обратно, а мне самой уже совершенно все равно, чем занимается наш герой и как его снимать.

– Держись, – говорит режиссер и галантно выбрасывает сигарету в окно. – Скоро приедем.

Синий «Опель» теперь тащится по центральной улице мимо торговых рядов девятнадцатого века и хрущевских пятиэтажек. Ослепительно светит солнце. Я начинаю дремать. Наконец, сворачиваем в маленький дворик и останавливаемся на площадке перед одноэтажным

серым зданием, похожим на кафе. На стене две вывески. На нижней написано: «Ассоциация ветеранов». Ну что ж, доехали почти без приключений.

Съемочную группу встречает приветливая секретарша раннего пенсионного возраста. Она смотрит на нас с таким уважением, как будто мы, и в самом деле, люди из кино. Хорошо, что здесь есть туалет. Он слева от входа. Справа – наш главный локейшн, офис главного героя.

Тут желтые обои, такой же ядовито-желтый свет, а жалюзи плотно закрыты. Слева в углу черный кожаный диван, на стенах фотографии в рамках. На высоком шкафу – чучело какого-то пернатого хищника. Над диваном – две шпаги эфесами вверх. Справа – стол для совещаний с четырьмя стульями.

Клёнов неподвижно сидит за рабочим столом. Он поводит ухом в сторону двери, с улыбкой выходит из-за стола и протягивает руку в пустоту. Мы по очереди пожимаем мягкую ладонь.

– Я тебе нужен, Владимирович? – заглядывает в дверь наш провожатый. Он слегка грасирует.

– Пока свободен, – неопределенно говорит шеф.

Мужчины-гости располагаются на диване, оглядываются. Мне места на диване не хватило, но зато я первая получаю чашку чая от Тамары Никаноровны.

Клёнов тоже ставит перед собой чашку и спрашивает, что будем снимать. Я начинаю рулить:

– Проведите совещание с помощниками, потом запишем интервью.

Он не против и предлагает для начала перекурить. Мы с режиссером вываливаемся во дворик, следом осторожно выходит сам хозяин офиса. Денис остается колдовать с софитом. Помощники деловито снуют к машине и обратно.

Клёнов в элегантном костюме и при галстук. Ему нещадно печет бритую голову.

– А снимите, как я плавать буду, – не то требует, не то мечтает он.

Я тоже начинаю фантазировать:

– Еще хорошо бы, как вы едите. И как идете по городу. Может, с кем-нибудь за руку поздороваетесь...

– Может, и поздороваюсь, – уклончиво отвечает он. – А пройтись я могу у памятника, куда вам тоже надо поехать. Его наша организация месяц назад открыла.

Все, свет установлен. Оператор зовет героя на рабочее место и укрепляет ему микрофон на лацкан. Все готово к совещанию.

Мы с Георгием больше не помещаемся в маленькой желтой комнате, и Денис выгоняет нас на улицу. Там уже моросит мелкий дождик, и мы жмемся под козырьком, "прошупывая друг друга". Режиссер спрашивает, знаю ли я что-нибудь о Лени Рифеншталь, и сильно удивляется, что да. Меня, если честно, больше всего восхищает, что любимый режиссер Гитлера фрау Рифеншталь дожила до 101 года.

– Пропаганду надо делать по канонам высокого искусства, – зачем-то демонстрирую я свою ученость. – Серьезная политика нуждается в красивых кадрах, которые решают все.

– Пропаганду надо делать по канонам высокого искусства, – зачем-то демонстрирую я свою ученость. – Серьезная политика нуждается в красивых кадрах, которые решают все.

«!Вот бы и нам выиграть тендер на съемки Олимпиады!» – мечтаю уже про себя, представляя, как буду выстраивать в кадре спортсменов, передающих друг другу Олимпийский огонь. Они должны быть похожи на ангелов – все в белом. А вот наш нынешний герой на ангела совсем не похож. На кого он похож – я еще и сама не разобрала. Ну что ж, у нас еще два дня впереди. Разберемся.

Когда две сигареты выкурены, отношения с режиссером кое-как начинают завязываться.
– Ну все, я снял, – кричит Денис.

Статисты расходятся.

– Так, сейчас будем писать синхрон, – командует Георгий.

Он уже окончательно проснулся и творческим жестом проводит ладонью по растрепанным волосам. Я тоже чувствую творческое воодушевление и мимоходом гляжу на себя в зеркало. На голове у меня тихий ужас, а в запасе две минуты, чтобы собраться с мыслями.

Так, о чем же спрашивать Клёнова? Не задавать же казенные вопросы, которые я послала ему неделю назад! Я о нем так много узнала из Интернета, что задавать какие-то вопросы – только время терять. Но нам все равно надо записать голос, жесты, мимику. А то не будет никакого триумфа воли.

Теперь его голову в пластинах нещадно печет яркий софит. Чувствуется, что героя уже достало по пять раз здороваться и прощаться с помощниками за руку. Он пытается понять, где кто сидит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.